

Г.С. Эрдели

ПРЕДШЕСТВИЕ

Глазами писателей и очевидцев

Воронеж 2012

Эрдели Г.С. ПРЕДШЕСТВИЕ. Глазами писателей и очевидцев. – Воронеж: электронная версия, 2012. – 25 с.

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей книги или любой ее части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Предшествие. Глазами писателей и очевидцев. Писатели и современники о времени, предшествовавшем революции 1917 года. Для учеников старших классов и преподавателей современной истории.

Компьютерное и художественное оформление – Силкина Т.Б.

© Эрдели Г.С.

Сведения об авторе

Эрдели Галина Сергеевна родилась в Воронеже 22 декабря 1926 года, кандидат биологических наук, доцент, участница Великой Отечественной войны. В 1947 году окончила сельскохозяйственный техникум в ст. Славянской Краснодарского края, по специальности – агроном-плодоовощевод. В 1949 году поступила учиться на биолого-почвенный факультет ВГУ. После его окончания работала на Областной станции юннатов, а с 1958 года – в университете: садовником, лаборантом, преподавателем, доцентом кафедры физиологии и биохимии растений. Изучала действие регуляторов роста на растения, в том числе более 20 лет совместно с учёными университета г. Галле, Германия.

Издательством ВГУ выпущены воспоминания о военном времени: «Прошлое всегда рядом», о работе в университете: «Люди и растения в моей жизни», первое издание миниатюр: «Запахи земли», научно-популярные книги о растениях и другие.

ПРЕДШЕСТВИЕ

Глазами писателей и очевидцев

Споры о Великой Октябрьской социалистической революции особенно усилились в последнее время. Во всяких спорах, мне кажется, надо обратить внимание на *предшествование*, *причины* того или иного события, в данном случае – революций.

Когда-то давно я подумала (так думаю и сейчас), что *понять* прошлое, получить о нём, в основном, верное представление, лучше не по учебникам истории, а по художественной литературе. Я даже хотела составить список произведений, которые для этого надо прочитать, и поставила бы первым стихотворение в прозе Тургенева: барыня пришла выразить сочувствие своей крепостной, только что похоронившей единственного сына. Войдя в избу, она увидела, что крестьянка, стоя перед столом, ложкой из чугунка хлебает щи, и возмутилась: как ты можешь?.. Крестьянка ответила, что без сына она не выживет, пропадёт, но щам пропадать нельзя: *«Они же посолённые!»*. Барыня не поняла. Тургенев пишет: *«Ей-то соль доставалась дешево»*.

Со времени того стихотворения «много воды утекло», многое изменилось, и хотя крестьяне получили свободу, лёгкой их жизнь назвать было никак нельзя.

О жизни простых людей – крестьян, рабочих написано много хороших и правдивых произведений русскими писателями в конце девятнадцатого и самом начале двадцатого века: А.П. Чеховым, Л.Н. Толстым, В.Г. Короленко, В.В. Вересаевым и другими... О каждом из них, о каждом их произведении можно (и нужно) много говорить. Здесь мне хочется привести несколько примеров из произведений нашего земляка, моего любимого поэта – И.А. Бунина. Он принял эстафету от писателей более раннего поколения, живших до революции. Кроме того, в прозе Бунина особенно чётко проявилось переломное время и его восприятие.

Иван Алексеевич Бунин

Иван Алексеевич Бунин (фото 1) не простой человек. Потомственный аристократ, барин.

И его отношение к крестьянам в разные годы проявилось неодинаково. Вспомните короткий рассказ «Танька», изданный в 1892 году, время очередного голодного года (1891-1892) в центре России. – Деревенская семья, – девочка лет десяти, мальчик моложе, мать. Отец где-то на заработках, скорняк. Когда приходил домой, говорил, что везде: *«беда»*, – *полушубков не шьют, больше помирают*, – и он только чинит кое-где у богатых мужиков. *«...Когда батя ушёл, совсем почти есть перестали...»*.

Фото 1. И.А. Бунин

Корова продана, лошадь – тоже. Бунин описывает случай, когда старый барин, проезжавший мимо, уговорил и взял Таньку к себе домой. Покормил, играл ей на гитаре, пел...

«Он глядел на задрёмывавшую Таньку, и ему стало казаться, что это она, уже молодой деревенской красавицей, поёт вместе с ним песни: По заре-заре играть хочется!»

Деревенской красавицей! А что ждёт её: что выйдет из ребёнка, повстречавшегося лицом к лицу с голодной смертью?».

«Он вспомнил соседние деревушки, вспомнил их обитателей. Сколько их, таких деревушек, – и везде они томятся от голода».

И уже не в голодные годы, в рассказе «Деревня» (1909 г.), на ярмарке (похоже, что в Ельце), богатый мужик размышляет:

Сколько зерна привезли на ярмарку, половину России кормят, а хорошо, если в этом городе сто человек досыта хлеб едят!

Можно привести и другие примеры, когда Бунин сострадает крестьянам, бедным. До революции. Заканчивая стихотворение «Деревенский нищий» (1886 г.) о старике-инвалиде, бродящем по сёлам с просьбой о подаянии, приведу только последние две строки:

*«Грустно видеть, как много страданья
И тоски и нужды на Руси».*

Кажется невозможным такое сочувствие, доброта и такая резкая перемена после революции. Точнее, уже в революционные годы. Его «Окаянные дни», написанные в Одессе 1920 года – полная противоположность отношения к бедноте.

Для высокообразованного барина, конечно, признать человеческое равенство с неграмотными крестьянами, было катастрофой. И место жалости занимает ненависть.

В голодное время Бунин только сострадал. Иначе вели себя многие писатели и другие образованные люди. В период голода воронежский писатель А.И. Эртель организовал помощь голодающим крестьянам, обратившись письмом в газету «Русские ведомости». Многие стали присылать деньги, на них организовали столовые в восемнадцати селениях. В это время помогал крестьянам и Л.Н. Толстой. В 1892 году выезжал в Нижегородскую, а позже и Воронежскую губернию для организации помощи голодающим А.П. Чехов.

Засуха, а значит, и голод периодически посещали Россию. Страшный голод был в 1891-1892, 1896-1897, в 1912 году, когда вымирали от голода целые сёла...

О том, как жили крестьяне не только в голодные годы можно узнать и у А.И. Эртеля, прочитав его хотя бы «Записки степняка»... Трудно жили и рабочие. Не случайно в начале прошлого века в деревнях крестьяне жгли усадьбы особенно ненавистных помещиков, а в Москве строили баррикады на Красной Пресне.

Но особенно тяжело жилось крестьянам во время засухи, значит – голода.

Из воспоминаний З.К. Соколовой

О голоде в Воронежской области отдельная глава в воспоминаниях Зинаиды Сергеевны Соколовой (родной сестры К.С. Станиславского). В 1896 и 1897 годах она с мужем Константином Константиновичем, помогала крестьянам, они давали семена голодающим.

Весна 1896 года:

«Стараешься представить себе крестьянина без семян и лошади. ... В голове зашевелились мысли, понеслись вихрем! Можем ли мы, имеем ли право рассуждать: нужно или не нужно помогать голодающим, что выйдет из этой помощи? Допустимо ли бездействовать? И отвечаю себе: нет! Мысленно перебираю разные доводы против помощи голодающим и опровергаю их.

Пусть опять будет засуха, и ко времени жатвы нивы опять покроются засохшими всходами с массой трещащих кузнечиков, пусть паровые поля опять станут пепельно-серыми, растрескавшимися, а трава на них выгорит и засохнет. Пускай природа сведет на нет нашу помощь посевными семенами. Ну что же? Крестьян обманет природа, надежда на урожай, но мы-то не обманем, веру крестьянскую в братскую любовь, в сострадание не нарушим, а вера эта в переживаемый год крестьянам, пожалуй, нужна больше, чем большинству из нас! Ведь перед ними стоят такие вопросы: «Умрёт ли мой мальчик, сынок мой, надежда!» «Не пойти ли по миру?» «Не бросить ли семью и не закабалиться ли в батраки?».

«Припоминается мне и такой довод: «Крестьяне! Это такие лентяи, негодяи, воры, пьяницы!». Но разве эти отрицательные свойства встречаются у одних крестьян? А если взвесить и сравнить причины, породившие эти отрицательные черты не только в крестьянах, но и в их обличителях?». «И разве воров и негодяев среди крестьян так много, что из-за них должны страдать большинство?».

«Да. Жутко народу, но жутко и нам: «Один в поле не воин», а нас ведь всего горсточка, вместе с присылающими нам пожертвования! А голодающих, а нужды целое море! А сколько недоброжелателей у деревни, сколько критиканствующих, иронизирующих! А сколько палок в колёса вставляет нам правительство. Как не возмущаться правительственной политикой! «Кормить, устраивать столовые незаконно и воспрещается! Нет голода! Лошади не падают, семян хватит» и прочие небылицы, которыми старались усыпить совесть сограждан, отгородиться от сделанных ошибок, заслонить крестьянскую темноту, нищету, малоземелье».

«Среди зимы в Воронеж приехали курсистки и студенты, чтобы принять участие в помощи голодающим. Местный губернатор взял с приехавших слово, что они не уедут из города в деревни, пока он сам «не откроет голода». До апреля «помпадур» голода не видел...». «Но вот «голод открыт». Не хватает ни людей, ни хлеба, средств и подавно».

(С 1894 по 1898 год воронежским губернатором был Владимир Захарович Коленко –1852-1907).

Весной 1897 года выдача «зерна» у амбара. *«Приём у амбара, на дворе.... Толпа тесно окружает нас... С плотины идут всё новые и новые «получатели»... «Всё те же просьбы, всё те же заботы, то же горе: нет хлеба, нет семян, картофеля, нечего продавать, не знаешь, за что и взяться, – вот что слышишь и у стола, и у колодца, амбара, везде, везде... Если и увидишь смеющиеся два-три лица, то и тут смех этот на ту же тему – ирония над своим положением. Невольно приходят на ум некрасовские слова: «Вот где надобно учиться – верить и терпеть»».*

Помимо помощи семенами, Соколовы открывали столовые для голодающих крестьян.

Соколовы – молодая супружеская пара весной 1894 года приехала в небольшое сельцо Никольское Воронежской губернии. Дочка богатого фабриканта Алексеева, и её муж – старший хирург Бахрушинской больницы переехали в село, желая *«...жить и работать для народа»*. *«Счастливей нас, кажется, не было людей на всей земле! Какой свет был в наших душах!»*.

Её муж, Константин Константинович Соколов построил сельскую поликлинику, стал земским врачом, лечил крестьян.

Жена помогала мужу в лечении, занималась работой по открытию школ. На собственные средства Соколовы построили две школы – в Никольском и Спассовке (Супруновке), с трёхгодичным обучением. Зинаида Сергеевна преподавала музыку и хоровое пение. Крестьяне были неграмотные, особенно женщины. Темнота, невежество – страшными!

В рассказах о том, как началось школьное дело, она упоминает, как темна была деревня. Крестьяне плохо понимали интеллигентную речь, например, *«извини»*, *«не обращай внимания»*. Говорили: *чаво, ково, таперя, дюже, чудок, гуторить*. Эти слова памятны мне с довоенных пор, когда на рынке покупали продукты у колхозников. Надо сказать, некоторые остались и сейчас в культурной речи – *уморилась, нынче...*

Суеверия властно царили над старыми и малыми.

«В конце голодного 1892 года Александр Иванович Эртель, кормивший на пожертвованные деньги всю округу, задумал построить для многолюдного села Макарья школу». *«Деньги на школу Александру Ивановичу пожертвовала Варвара Александровна Морозова и мой отец»*.

«Я была на закладке школы с Александром Ивановичем. Была большая толпа народа, были и несочувствующие среди толпы. Конечно, служили молебн, но и это не успокаивало подозрительных крестьян. Думали, что Александр Иванович не снимет шапку, чтобы не обнаружить намечавшиеся рога. Приложился ли к кресту? Будет ли креститься?». *«Очевидно, экзамен он свой вы-*

держал, так как на селе почти все стали ждать окончания постройки и собирались учить своих малых».

В воспоминаниях Зинаиды Сергеевны есть глава «Темнота». Она пишет: *«Наш скромный хутор и наша скромная жизнь, непохожая на жизнь окружающей интеллигенции того времени, в то же время наша широкая и разнообразная деятельность среди народа интересовала всю округу, и интеллигентный класс, и крестьян. Как с первых дней нашего появления, так и много лет после, выдумывались разные толкования о нас самих, наших поступках, и рассказы эти доходили до чего-то сказочного, сверхъестественного».*

«Считали нас антихристами, глупыми чудаками, хитро старались проверить нас, то ли говорят о нас.

Константин Константинович казался им просто «чудаком». С ним и не сообразишься, каков он есть. Были даже вопросы:

– Али он дурачок? Больно прост с нами!»

Ходили слухи, что Константин Константинович свои дьявольские значки на руках крестьянам ставил, что те, которые хлеб и пшено во время голода получали, кровью ему расписывались после смерти ему душу свою отдать в ад».

Зинаида Сергеевна описывает ещё много разных толкований, слухов.

«Легенды о нас плелись, как кружева, и передавались с увлечением друг другу. Но стоило посетить никольские спектакли или побывать на приёме у моего мужа, и большинство из соприкасавшихся с нами оказывались побеждёнными, вероятно, благожелательным и простым нашим обращением».

Удивляло, что «Там мужики садятся с господами за стол, там их и чаем поят, и всё...»

Соколовы стали хлопотать о строительстве школы. Осенью 1895 года на сходке предложили миру. *«Без согласия, приговора мира нельзя было открыть школу. Нам нужно было убедить крестьян, что школа нужна им».*

Были сторонники, были и противники. *«Школа от церкви и от Бога отведёт детей наших. Не желаем мы школы, не надо. У нас есть приходская школа (за 5 вёрст)».*

В тот день сход так ничего и не решил, но потом разрешение всё же дали. *«1895-1896 годы были годами организации двух школ».*

В близлежащих сёлах не было совсем грамотных женщин, ни одной. Крестьяне считали, что женщинам грамота ни к чему. Но всё-таки удалось уговорить, отправили нескольких и девочек в школу (фото 2).

«Ходя по избам, мы познакомились с положением никольских крестьян. На 50 дворов приходилось 12 или 15 лошадей. Коров немногим больше, овец – как исключение. Поросёнок один. Плугов – ни одного. Молотилок – ни одной. Избы, большинство кизяковые (большие квадратные кирпичи из глины и навоза). Крыши соломенные. Много изб совсем плохих. 2 избы по-чёрному топили, то

Фото 2. Никольское. Крестьянские дети. (Из книги Соколовой, с. 64)

есть без труб, но во время топки открывали дверь. Такие избы были у усманцев и Игната Башмакова, кажется. Стены – чёрные, глянецовитые, как лаком покрытые, и длинные, чёрные сосульки на потолке». «Деревня была очень бедная».

Хлопоты, школа внесли много изменений в сельскую жизнь. На втором году обучения школьников Соколовы свозили детей в Воронеж, а в 1902 году – в Москву. Школьники первого выпуска трёхлетней школы писали сочинения.

«Было хорошее сочинение Лисейки (Елисея) Новикова, ученика Супруновской школы. Он не раз от отца, матери слышал рассказы, как проводили сквозь строй восьмерых супруновских крестьян и как ссылали их в Сибирь. Его дед был в том числе» «Передам содержание своими словами. Помещик (Супрунов Михаил Николаевич (1825-1879) – дворянин. Инженер-подпоручик. В 1865 году – председатель Воронежской земской управы, в 1862-1865 и 1868 годах – предводитель Воронежского уездного дворянства) прогневался на крестьян своей деревни, которая находилась вплотную с господской усадьбой, он решил на месте деревни развести парк. Решил крестьян переселить версты за 3 от себя в чистом поле без воды. Мужики отказались переселиться. Тогда были вызваны солдаты, каждого крестьянина проводили сквозь строй. Стояли два ряда солдат с прутьями. У мужиков руки были привязаны к дулу ружья, за которое два солдата тянули привязанного мимо солдат, которые и стегали проходившего с обеих сторон, стегали так, что тело делалось красно-синим.

Если солдаты стегали их не как следует, они подвергались тому же. Когда отвязывали руки, наказанные падали на землю и скребли от боли «когтями землю и набивали ею рот». Многие крестьяне убежали перед наказанием в лога, где и прятались, а «семейские», крадучись, ночью носили им еду.

Так как мужики всё-таки не сдавались, 8 человек главарей сослали в Сибирь. Из Воронежа их гнали по большой дороге недалеко от деревни. Народ ходил на дорогу глянуть, поклониться им». «Уходил в Сибирь и дед Лисейки. Я ещё застала в живых тех стариков, сосланных и вернувшихся из Сибири».

В архиве сохранилось подробное описание этой истории. (Крестьянское движение в Воронежской области. Документы и материалы. Воронеж, 1961 год. С. 68-72.).

Фото 3. Дом Соколовых (ныне сельская школа. 2004 г.) (Из книги Соколовой, с. 224-225)

Соколовы создали сельский театр, устраивали спектакли для крестьян, в них участвовали и крестьяне.

В 1905 году Зинаида Соколова уехала в Москву из-за необходимости учить дочерей (своей и приёмной). Но связь с жителями Никольского продолжалась все последующие годы, уже и после Великой Отечественной войны (фото 3). По её инициативе в Никольском в годы первой мировой войны был создан госпиталь, где работал её муж до конца своих дней. В 1919 году он заразился тифом во время эпидемии, выздоровел, но вскоре умер.

В 1916-1918 годах Зинаида Сергеевна в Московской больнице для слепых учила их писать и читать. Позже как режиссер и преподаватель сценического искусства работала в театрах брата 29 лет. Умерла в 1950 году в возрасте 85 лет.

Фото 4. Обложка книги Зинаиды Соколовой

О жизни и деятельности Соколовых сведения из книги Зинаиды Соколовой «*Наша жизнь в Никольском. Деревенские записки*». Издательство: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, Воронеж, 2004, 288 с (фото 4).

Создание сельского театра не прошло бесследно. Уже сейчас более десяти лет в Никольском проводится областной фестиваль сельских театральных коллективов. «Театральные встречи в Никольском» – уникальное явление. К сожалению, в этом году, спустя более ста лет после создания, школу в Никольском закрыли, хотя фестиваль провели (сведения из ТВ, 2008 год).

Надо сказать, что создание лесозащитных полос в конце сороковых годов (Сталинский план преобразования природы, разработан на основе многолетних исследований НИИ им. Докучаева, Каменная степь), помогло бороться с засухой: теперь снег зимой задерживается на полях, земля больше запасается влагой. Потому в последние годы таких страшных бедствий не бывало. А когда в семидесятые годы засуха поразила около двух десятков областей, государство использовало запас – урожаи предыдущих лет, потому голода население не испытало.

Если сравнить человеческое общество с растением, – крестьяне – это корни, питающие надземную часть. Но корни должны получать питание и от листьев: необходимо взаимодействие, ни те, ни другие не смогут жить отдельно, независимо. Когда мы это поймём?.. Отношение к крестьянам и сейчас желает много лучшего.

Мне кажется, говоря о прошлом, особенною ценностью представляют дневники. М. Пришвин в своём дневнике 2 марта 1916 года написал: «...если пойдёшь за ответом по делу земному – великая откроется картина зла, царящего на Руси». О жизни селян, как и о еврейском погроме в Киеве, есть и в воспоминаниях Константина Паустовского.

Отрывки из записок княгини М.К. Тенишевой

Наиболее интересными мне представляются записки княгини Марии Клавдиевны Тенишевой (фото 5).

В 1991 году Ленинградским отделением «Искусство» издана книга княгини М.К. Тенишевой: «Впечатления моей жизни» – одновременно дневники и воспоминания. Как пишет исследователь её жизни и творчества Л. Журавлёва: «... это редкий документ, написанный не в далёкой эмиграции по прошествии многих лет, а по следам событий, которые резко меняли жизнь и самой Тенишевой».

После смерти М. К. Тенишевой в 1928 году (родилась в 1867 году) её записи в 1933 году опубликовало Русское Историко-Генеалогическое общество во Франции. Известная в конце позапрошлого и начале прошлого века, меценат и деятель культуры, просветитель, – последние годы жила во Франции. Время её выезда из России не указано.

Фото 5. М.К. Тенишева

В 1882 году она второй раз вышла замуж, за князя В. А. Тенишева. «Его считали крупным дельцом, умным, решительным человеком, создавшим много крупных коммерческих предприятий, между прочим, он был душой и организатором акционерного общества Брянских заводов», – так писала о нём княгиня.

«Близ Екатеринослава (Днепропетровск, Г.Э.) находился металлургический завод, принадлежавший Брянскому обществу, председателем правления которого был мой муж, и под его руководством дело это процветало и получило огромное развитие».

Началась их совместная жизнь на заводе.

«Через дорогу, как раз напротив нашего дома, начинался завод, ближайшей мастерской которого был мостовой корпус с 1500 рабочих, строящих огромные железнодорожные мосты и паровозные котлы и работавших в две смены. День и ночь оттуда нёсся неистовый грохот молотков заклёпщиков котлов».

«При заводе была гостиница, в которой останавливались люди, приезжавшие по делам завода, всевозможные комиссионеры, поставщики, представители различных фирм, а главное, подолгу жили «приёмщики» – артиллерийские офицеры и инженеры. Это были совершенно особенные люди – «типы»...

Когда поселялся для приёмки снарядов какой-нибудь артиллерист, то, начиная с мужа и кончая самым маленьким деятелем завода, всё угождало и стелилось перед ним, как перед каким-нибудь принцем. Дело в том, что принимать правительственные заказы следовало бы поручать людям с неподкупной совестью». «Но когда совесть подкупная, то даже при безукоризненном исполнении заказа разговор очень простой: «нехорошо» – и уехал.

Такие «приёмщики» жили на заводе иногда восемь месяцев, иногда год, пока вся партия не принята, и, к сожалению, это были всё подкупные люди. Уже один их образ жизни был что-то поражающее. Для них был отведён особый бюджет, во-первых, в кассовых книгах, во-вторых, по отчётности завода. По этим книгам видно было, что г. Х. каждое утро съедал две коробки сардин, полтора или два фунта икры, выпивал невероятное количество вин, шампанского, водки и т.д. В карты он играл до восьми часов утра, и ему была нужна компания. Капризам и требованиям этих господ не было конца, и их боялись больше всего».

«Мало-помалу я заинтересовалась заводом, стала расспрашивать о нём, изучать быт и условия жизни рабочих и экономическое положение их» «...и понемногу передо мной развернулась целая картина истинного положения рабочих на заводе». «Кто же, как не они, дал этим деятелям, да и мне с мужем, благосостояние? Кто от этих тяжёлых трудов, пота и мозолей получал львиную долю? Конечно, – мы все...

А что было дано этим немым, безымянным труженикам взамен пролитого пота, утраченных сил, преждевременной старости? Кто до этой поры позаботился о них? Об улучшении их жизни, их детях? Кто прислушался к их голосу, их жалобам, их нуждам? Никто... Верхи неумолимо попирали низы с какой-то жестокостью, не оглядываясь по сторонам».

«На двадцать тысяч жителей заводского населения была всего одна школа на четыреста человек. Учитель – он же заведующей школой – был человек узколобый, тоже сытый, слепой и глухой до всего живого. В его руках была торговля учебными пособиями, тетрадями, карандашами, учебниками. Он тоже наживался, сделав из этого монополию. Купить что-либо подобное на заводе было негде, он и брал с учеников что хотел». «В школу попадали дети исключительно богатых мастеров, и как бы не был способен ребёнок, это не принималось в расчёт, если отец его не был достаточно зажиточным».

Княгиня, деятельный человек, занялась изучением быта заводских рабочих.

«Условия жизни рабочей семьи в Бежеце были тяжёлые. Рабочие жили в огромных двухэтажных деревянных казармах, разделённых на множество мелких квартир, в которых помещались две, а часто даже и три семьи. Вокруг этого тесного и неопрятного жилища ютились наскоро, кое-как сколоченные хлевки для коров и свиней, расточая зловоние и непролазную грязь вокруг».

Через несколько лет Тенишева поселилась в приобретённом селе Талашкино.

«Как-то совестно было жить в нашем культурном Талашкино, в убранстве и довольстве и равнодушно терпеть кругом себя грязь, невежество и непроглядную темноту», «... и совсем уж было противно в разговорах со многими из богатых помещиков нашего края слушать, как эти люди, часто без милосердия притеснявшие мужиков, называли их «серыми», презирали и, как заводские деятели когда-то в Бежеце, видели только во всём себя и свою выгоду»

Зиму 1915-1916 года уже вдова, княгиня Тенишева прожила в Москве.

«Общее настроение тогда было ужасное. Измена Мясоедова, Сухомлинова и других тяжёлым камнем легла на душу каждого из нас. Наше грандиозное и в то же время позорное отступление из-за недостатка снарядов, падение одной крепости за другой и, наконец, последний удар, взятие Варшавы, всё это убивало всякую надежду...».

«В течение этой зимы мне удалось ближе познакомиться с некоторыми слоями современного московского купечества и изучить их нравы». «Та часть московского купечества, с которым я столкнулась, живёт очень богато, в больших хоромах, дворцах». «Кушает он (купец – Г.Э.), несмотря на дороговизну продуктов и войну, много и хорошо. Но он не эгоист, он любит это делать в большой кампании. У него открытый дом, и подают на обедах всего так много, что хоть в карман клади и домой уноси».

«Ни в одном городе я не чувствовала так «бряцание денег», как в Москве».

1916 год

«Всего ещё два года тому назад, в начале этой страшной войны, я безгранично верила в нашу мощь, честь и патриотизм. А теперь?!.. Глубокая вера моя потрясена во мне до глубины...»

«Давно, давно, ещё задолго до войны, я с отвращением отошла от того круга людей, который присвоил себе название «высшего общества», и поняла всю пустоту, глупую напыщенность, ограниченность и продажность большинства его представителей».

«День за днём газеты приносят нам обличительные столбцы, не сплетен, о нет, а отталкивающих фактов, преступных деяний лиц, принадлежащих к всевозможным слоям общества».

«Теперь, когда ежедневно в газетах появляются обличительные статьи о постыднейших поступках, вредящих нашему успеху на войне, теперь-то немцы могут сколько угодно нас презирать... Мы этого вполне достойны! Сунулись воевать, а пушек нет, снарядов нет, ружей нет, да и вообще нет ни порядка, ни стойкости, ни согласованности...» «...и развал, устарелый, давнишний развал принимает грандиозные угрожающие размеры...».

«Родина, религия, долг давно уже сделались у нас только словесной формой. В эту торжественную одежду облачается большинство наших так называемых государственных деятелей в тех случаях, когда нужно им прикрыть своё духовное убожество или затушевать свои низменные, мелкие и эгоистические страстишки.

«Война на деле показала, что способных генералов, как Алексеев, Брусилов или Лечитский, у нас едва ли найдётся несколько человек, но и им бездарности завидуют, их затирают и хода не дают».

«Но чего же нам ждать от убожества, нарядившегося в генеральские мундиры, в звёздах и лентах? Что делали они в мирное время, как жили и относились к своим обязанностям? В Петербурге всем известно, как живут эти господа. Я знала много таких с большим положением господ и всегда поражалась их тупости, пошлости и главное – феноменальному невежеству».

«Наше общество сверху донизу заражено тунеядством, и это хроническое ничегонеделание теперь, во время войны, является преступлением перед родиной и предательством».

«Оказывается, в Курске теперь стало семь уполномоченных по снабжению населения продуктами, и в то же время в Курске нет ни масла, ни дров, ни муки?! У нас в Смоленске дело продовольствия обстоит не лучше. Такая же неурядица, отсутствие жизненных продуктов, хвосты у лавок в двадцать с лишним градусов мороза. В этих хвостах стоят несчастные матери семейства, бросившие своих детей дома на произвол судьбы» «между стоящими видны детские головки 8-9 лет, дрожащие, посиневшие от холода старухи. Весь этот люд иногда уходит неудовлетворённым за неимением достаточных за-

пасов, и после пяти-шести часов стояния лавку запирают у них перед носом...».

«В июле у нас пронёсся слух, что в интендантских складах сгноили 5 тысяч пудов мяса, а затем тут же была объявлена в нашем уезде реквизиция скота».

В селе Флёново, принадлежащем Тенишевой, расположилась организация, называемая – конский Красный Крест.

Тенишева пишет: *«Наш веселящийся Красный Крест, засевиший во Флёнове, представлял весьма неприятное соседство». «Саркисов и его персонал, в составе около 150 человек, жили во Флёнове припеваючи. К этим господам на дачу съехались их жёны с семьями. Песни с утра до ночи так и лились со всех сторон, пьянство и разгул царили вовсю...*

О священном долге перед родиной или патриотизме вокруг нас и речи быть не могло. Эти чувства были в загоне и при общем бесшабашном настроении казались почти смешными, каким-то абсурдом».

Тенишеву беспокоит состояние сельского хозяйства и отношение к нему государства.

«За последнее время с большой настойчивостью начали, наконец, кричать и газеты о нуждах сельского хозяйства...».

Тенишева написала письмо в министерство: *«Защита сельскохозяйственных интересов представляется мне в настоящее время как самое главное дело в России. Удесятерённые барыши фабрикантов и мануфактуристов представляют поразительный контраст с жалким положением сельских хозяев, разоряющихся дотла во имя спасения отечества». «Значительные недосевы, наблюдаемые всюду, - лучший показатель того, что наше сельское хозяйство дезорганизовано. Если не будут приняты со стороны государства самые решительные меры ему в помощь, то продовольственный вопрос примет угрожающий характер». «Теперь уже победит тот, у которого не только пушки и снаряды, а и которого продукты сельского хозяйства будут в достаточном количестве».*

М.К. Тенишева, живущая после завода в деревне, переживает за крестьян.

«Крестьянская семья – это та самая страстотерпица, на которую обрушилась вся тяжесть настоящей войны». «В деревне остались лишь дряхлые старики, бабы да малые ребята. Надо прибавить ещё, что остались только многосемейные бабы, робкие, а пошустрее девки, да бабы побросали свою землю и ушли на заработки в города. Деревня окончательно осиротела, осиротела и крестьянская семья». «После нескольких реквизиций в деревнях почти не осталось скота...».

«...солдатки получают паёк на себя и на детей»....

«Горожане думают – на что крестьянам деньги? Ответ прост». (Тенишева приводит перечень цен на разные предметы, необходимые в сельском хозяйстве, они поднялись в три-шесть раз).

«Если у крестьянина и завелась деньга, так её всеми неправдами стараются у него из рук вырвать. Твёрдые цены установили только на хлеб и на скот, т. е. на то, что крестьяне производят, а на то, что они покупают, твёрдых цен нет, и с них дерут за всё три шкуры. Конечно, в крестьянской среде есть и кулаки-мироеды, и бесшабашные головы, но что это перед нашим купечеством? Просто, можно сказать, детская игра...».

«Однажды зашипело на земледельцев «Утро России», бессмысленно обрушившись на «аграриев» за то, что мужики во время осеннего бездорожья не подвозят хлеба в достаточном количестве. По-видимому, «Утро России» не имеет никакого понятия о настоящей русской деревне, о её невылазных дорогах, мостах и расстояниях. Вероятно, оно не слыхало, что у крестьян лошадей почти не осталось, во дворах хозяйничают одни бабы, что оторваться женщине от дневных работ и ехать, нередко с грудным ребёнком, за 30-40 вёрст, оставив свою хату и скотину на попечение малышей, невозможно».

Дальше княгиня возвращается к теме войны.

«Зимой на фронте нельзя ожидать каких-либо успехов, когда и летняя компания ознаменовалась только одними победами генерала Брусилова в Галиции, правда, большими, но далеко ещё не приближающими развязки войны. Полное и необъяснимое бездействие на остальных фронтах угнетающим образом вот уже более года ложится на общее настроение, и даже выдающаяся доблесть Брусилова понемногу была забыта. Чёрный маразм – уныние мало-помалу охватило все умы, и одновременно с этим начали распространяться страшные слухи о какой-то измене, тёмных силах и оскорбительном для нас сепаратном мире».

«Наконец-то нашлись у нас мужи, и Россию, может быть, можно ещё спасти! 1 ноября раздались с трибуны Государственной думы честные речи графа В.В. Бобринского и Пуришкевича, а затем и в Государственном совете графа Олсуфьева и других. Эти речи с их беспощадной правдой ужасны, пролитый свет на действительность страшен!».

«Как я ожидала, так и произошло – клич кликнули, и все отозвались как один человек, от высших слоёв общества, до самой глухой деревни». «И что же на всё это? Репрессалии, отставки и наперекор здравому смыслу назначения, вроде Протопопова».

«Атмосфера всё больше и больше сгущается, злое, глухое недовольство растёт. Дальше идти некуда, тёмные силы довели Россию до порога гибели».

Дальше о Распутине:

«Участницами этого негодяя замешаны матери семейств, вдовы и девицы всех сословий и общественных положений. Всё это сбившиеся с истинного пути психопатки». «Наоборот, это поощряется, и вокруг хлыстовского ядра происходит нарастание всевозможных льстецов, предателей и продажных

людей без совести, преследующих исключительно своекорыстные цели и пролезающих за взятки через всевышнего Распутина на разные ответственные и прибыльные места. Какая вакханалия, разнузданность, а, главное, какой позор!..».

«Утром газеты принесли нам следующую новость: «Убийство Григория Распутина!». Слава Всевышнему!». «Все, живущие в России, от тёмной хаты и до пышного дворца, знали давно, кто он, чем держится и чего стоит. Не было человека, который не возмущался бы этой грязной хлыстовщиной, развратившей часть нашего общества, да ещё какого сорта часть общества!..».

«У всех надежда, что со смертью Распутина главный корень зла, может быть, будет устранён, но у меня на душе очень тяжело, будущее и страшно, и темно...».

«Теперь осталось всего лишь 5 часов до конца этого злосчастливого года. Что-то нам сулит 1917 год?».

Прочитав записки княгини, начинаешь узнавать правду о положении в России и её «мощи» в конце XIX и начале XX века.

Философия учит, что всё имеет свои причины и свои следствия. Из того, о чём мы сейчас говорили, думаю, понятны причины, которые привели к революции.

Но почему Февральская революция переросла в Октябрьскую Социалистическую, надеюсь, будет понятно из описания дальнейших событий. Записки княгини Тенишевой закончены в последние дни (и часы) 1916 года, о дальнейшем времени продолжим из дневников М.М. Пришвина.

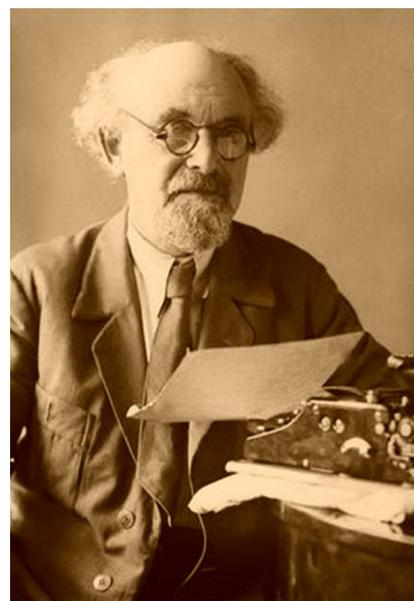
Отрывки из дневников М.М. Пришвина (фото 6)

Петроград, 1917 год

«24 февраля. Вчера забастовка рабочих».

«26 февраля. Сегодня 26-го все газеты не вышли. Весь город наполнен войсками. Фабриканты говорят, что забастовка не экономическая, а политическая. А рабочие требуют только хлеб». «Общее мнение теперь, что хлеб есть, и градоначальник вывесил объявление, что хлеб в Петрограде есть. И так вообще по Руси: «хлеб есть», но хлеба не дают».

«27 февраля. ... На улице объявление командующего войсками о том, что кто из рабочих не станет завтра на работу, призывается в действующую армию. Мелькает мысль, что, может быть, и так пройдёт: вчера постреляли, сегодня

Фото. 6. М.М. Пришвин

попугают этим и завтра опять Русь начнёт тянуть свою ляжку...

Прихожу к начальнику с докладом, а он говорит: теперь всё равно: Артиллерийское управление захвачено бунтующими войсками. Предварилка открыта – политические выпущены и проч.

Но бумаги мы продолжаем писать в министерство земледелия о том, что вследствие недостатка муки и рыбы каменноугольные копи Донецкого бассейна должны прекратить работу, что Невьянские заводы должны прекратить перевозку дров по недостатку овса».

«28 февраля. Кончается длинный, длинный день, чуть долетают в квартиру с улицы выстрелы пулемётов...

... В университете организуются санитарные отряды и питательные пункты, тут все новости: что распущены Дума и Совет, что телеграмму царю послали».

«1 марта. Из любопытства прохожу по зданию министерства: всё пусто, нет ни души. Зато в университете, как в 1905 году.

Обстрел Зимнего дворца, раздача оружия малолетним. Вопрос – где царь. Легенда слабая «царь сдался». Обстрел Зимнего дворца. А Протопопов будто бы скрылся в Зимнем дворце, но ему предложили сдаться, потому что из-за него разобьют дворец, и он сдался и впал в обморок, и его на носилках унесли в Думу.

Жуткий вопрос, что делается в остальной России – никто этого не знает... Кто-то говорит: радость какая, будто Пасха».

(Протопопов Алексей Дмитриевич – с сентября 1916 года по февраль 1917 года, – министр внутренних дел царского правительства. Попытался вооружённым путём подавить Февральскую революцию).

«2 марта. Утренний пеший поход в Государственную Думу. Полная тишина: ни одного выстрела.

В Думе: у жерла вулкана. Котёл с пищей под кафедрой – солдаты едят. Екатерин. зал: солдатский митинг».

«3 марта. Время. Редко может кто сказать о событиях с точным определением времени, так много всего пробегают в обыкновенный его час. День чудесный – солнечно-морозный Март. И возрастающая радость народа. На Невском огромное движение, снимаются иллюминационные императорские гербы, складывают в кучи, зажигают, а в витринах показывается объявление об отречении царя. Процессия рабочих-солдат с: «социалистическая республика» – «вставай, подымайся». («Боже, царя» не существует)».

«5 марта. В ожидании первых газет длинная очередь. И когда они вышли, то с разных сторон города весь день, возвращаясь домой, пуками, как носят вербу, цветы, несли газеты, кто какие добыл.

Прорвалось – нарыв... самые употребительные слова. Может быть, там, на фронте (в Госуд. Думе) все ещё боятся краха, но здесь, в тылу, совершается празднество настоящей великой победы.

– Товарищи! – говорит извозчик, – посторонитесь.

– Товарищ! – говорит офицер извозчику, – довези до Литейного.

Появились в ходу огромные бумажные цветы, и солдаты их лепят и на грудь и на живот».

«30 марта. ...Та часть народа, которая призывала к верности царю, сама ни во что уже не верила. Не было времени, и можно было узнать его скорость лишь в быстрой смене министров и росте цен. В тишине безвременья каждый давно уже стал отворачиваться от забот государственных и жил интересом личным: все грабили. Это привело к недостатку продуктов в городах и армии. Недостаток хлеба вызвал бунт солдат и рабочих».

«21 мая. Министры говорят речи, обращаясь к столичным советам, съездам, к советам съездов, к губернским комитетам, уездным, волостным и сельским. А во всех этих съездах, советах и комитетах разные самозванные министры тоже говорят речи, и так вся Россия сплошной митинг людей».

«16 июля. Керенский и Чернов становятся палачами. И делают они совершенно то же, что и буржуазия, заменяя название целей – «незыблемая основа трона», «священная прерогатива монарха» и проч., своими названиями: «завоевания революции, основы демократии» и проч. Изменяются слова и формы, сущность остаётся совершенно одинаковой».

«8 сентября. Брошена земля, хозяйство, промышленность, семья, всё опустело, всё расщепилось, в десятый раз умерли всякие покойники: Тургенев, Толстой, закрыты университеты, еле-еле живут люди в городах, получая половину фунта хлеба в день».

«14 сентября. На меня, приехавшего из провинции, сильнейшее впечатление производит выступление Керенского. Я делюсь своими впечатлениями с журналистами, и они, конечно, смотрят на меня, как провинциала: они сотни раз слышали Керенского, и на них его слова не действуют. Мало-помалу и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся словами театра.

Конечно, многие из присутствующих, говорящих об обороне страны, готовы пойти на фронт, положить свою жизнь за родину: но что из этого? Нужно не «я готов умереть», а «мы готовы»...

«Так создаётся чрезвычайно странное состояние, как в театре: каждый из неподвижно сидящих зрителей, каждый в отдельности готов идти за своим Верховным главнокомандующим, но никто не пойдёт, когда представление кончится, и все пойдут по домам».

«14 октября. ... Из деревни, приехав в город, два месяца ходил я по собраниям, в общественные говорильни, слушал внимательно, что говорят, читал записанное в газетах, накопил гору сказанных и написанных слов, и дух мой, спасаясь от гибели, забился в смертельной тоске. Нет, не теми словами мы говорим и пишем, друзья, товарищи и господа мира сего. Наши слова мёртвые камни и песок, поднятые вихрем враждебных, столкнувшихся сил».

Мы видим, Февральская революция была беспомощна:
страна погибала, стали необходимы действия,
руководство, чем занялись большевики.

«7 ноября. Движение началось уже с первых дней революции, и победа большевиков уже тогда была предопределена».

«11 ноября. Большевизм есть общее дитя и народа, и революционной интеллигенции».

«31 декабря .... Похоже и мы все в государстве Российском в заключение Нового года: испытав такую жизнь, никто не знает, что будет дальше и что нужно делать».

Я вам скажу, что нужно делать: нужно учиться, граждане Российской республики, учиться нужно, как маленькие дети. Учиться!».

1918 год

«19 февраля. На Невском в трамвае, как бывает, – сидят люди молча, хмуро, стоят в тесноте, поглядывают, как бы сесть. И вдруг языки развязываются, все вступают в спор, и видишь, в окошко, что на улице тоже везде кучками о чём-то говорят. Это значит, что день поворотный, исторический. Никаких газет не надо в эти дни, нужно только прислушиваться, о чём говорят».

«21 февраля. Так всё напряжённо, и уже никаких митингов на улице нет и длинных разговоров... В печати появилось новое выражение: гибель социалистического отечества».

«27 февраля. В трамваях заметно стало просторней: солдаты разбежались, рабочие ушли «на позиции». Говорят, будто Бонч-Бруевич кому-то сказал: мы заключили мир в Берлине»

«2 марта. К вечеру узнаю, что мир подписан».

«29 июля. Чтобы там ни говорили в газетах о гражданской войне и всё новых и новых фронтах, в душе русского человека сейчас совершается творчество мира, и всюду, где собирается теперь кучка людей и затевается общий разговор, показывается человек, который называет другого не официальным словом товарищ, а брат».

Хрущёво

«6 августа. Политика стала личным делом такой же ценности и необходимости, как обеспечение своей семьи мукой, чаем и всякой всячиной, необходимой для ежедневного прожизвания».

Среди разрухи, опустошения уже начинаются ростки нового:

«11 августа. Горький затевает какое-то массовое издательство иностранных писателей».

Елец

«22 декабря. Метель такая, что едва не погибли по дороге в баню... В городе помыться нельзя: бани по недостатку дров закрылись, в домах холод, как в окопе, развелась на людях тельная вошь. В деревню приехали помыться! Борьба со вшами и тут же забота о театре для народа».

Зимой 1918-1919 года создаётся знаменитый БДТ в Петрограде, консерватория, а ещё раньше, весной 1918 года начинает работу в Воронеже государственный университет. Он был частично эвакуирован в 1914 году из Юрьева (Тарту), но не работал. Повсеместно открываются школы.

1919 год

Елец

«4 марта. Эпидемия тифа: перестали бояться. Пришёл мальчишка, весь в волдырях. Доктор говорит – умрёт, а они все выживают, и какие люди-то хорошие!...».

«16 октября. Завтра иду в гимназию, давать урок географии...».

«22 октября. Есть слух, что красными Орёл был взят на два часа, и в эти часы уже действовал Ревком.

Все власти уехали, пусто, казаки в Пушкарях, коммунисты (100 человек) и матросы пошли за Сосну в наступление, на Сенной батарее под прикрытием города, ожидается бой с разрушением зданий, с пожарами.

Пушки на Сенной.

- И так может быть, что казаков немного, отступят, а наши*
- обрадуются – и сейчас же – Ревком. И очень просто!».*

«31 октября. В полушубке и валенках иду в гимназию, учить ребят географии нашего отечества».

«18 ноября. Время от времени я прерываю свой урок географии и говорю ученикам: «Деритесь!» и все начинают возиться, греться. Через несколько минут я кричу: «Конец, начинаю!» – и опять все слушают. Помещение при 15 ° С совершенно не топится».

1920 год

«8 апреля. .... Теперь только бы не трогали нас белые и чтобы исчез повод к гражданской войне, трудовая армия быстро вычистит всё негодное».

Москва

«28 июня. Дворец искусств: Луначарский читает, все слушатели с просьбами: Пастернак, Чулков, Городецкий, и проч. На другой день те же в приёмной. Вечер Бетховена в Доме печати.

Диспут Луначарского и В. Иванова».

«15 июля. На Мясницкой утром: много людей, как, бывало на Невском, и все идут на службу, трамваи, грузовики, шум, грохот».

Заключение

Из сказанного можно получить представление как жилось большинству населения в России до революции. Для нынешнего поколения всё это очень далёкое время. Сейчас иногда спрашивают, что же сделано за 70 советских лет?

Сделано многое. Самое первое – мы победили в гражданской войне.

О гражданской войне, и её предшествовании хорошо рассказано в трилогии А. Толстого *«Хождение по мукам»*, у М. Шолохова в романе *«Тихий Дон»*. Это фундаментальные произведения. Очень правдиво, ёмко, коротко о времени гражданской войны можно узнать из пьесы Тренёва *«Любовь Яровая»*. Гражданская война на время смешала очень разных людей по образованию, устремлениям, поставила их в необычные условия. Мне кажется, что пьеса Тренёва – из краткого – лучшее, что написано о времени гражданской войны.

Чтобы понять наши успехи в гражданской войне против мощных сил империалистических держав (*Антанты*), обратим внимание на несколько цифр. Перепись населения, проведённая в 1913 году, показала, что в России, вместе с Финляндией (она тогда входила в состав России), проживало почти 175 миллионов человек, из них в городе – 14,2 %, в сёлах – 85,8 %. Крестьяне составляли 77,1 %, мещане – 10,7 %, дворяне 1,5 %, духовенство – 0,5 %, 0,5 % купечество, казаки – 2,3 %, инородцы – 6,6 %, прочие 0,8 %.

Мы видим, что подавляющее большинство населения – крестьяне, на них легла основная тяжесть войны, да и раньше им жилось невыносимо трудно. Рабочих, как отдельной социальной группы, не выделяли, это позволяет говорить о незначительном их количестве, (но не роли, не значении в обществе).

Империалистическая война 1914 года обострила противоречия, усилила негативные стороны жизни, возмущение, вызвала активное противостояние народа существующему порядку. Поднялась основная масса, как в Великой Отечественной войне против своих врагов. Но возмущение без управления, – бунт, а бунт никогда не приводил к успеху. Народ победил потому, что управление взяли большевики, и они выражали его чаяния.

Повторю сказанное Пришвиным: победа большевиков была предрешена уже в самом начале революции.

Дальше, если коротко, – повторю хорошо известное, – за советские годы Россия, из страны отсталой, аграрной, с безграмотным населением, стала мировой индустриальной державой. Она смогла победить фашизм в Великой Отечественной войне, создала атомную бомбу и стала первой, прорвавшейся в Космос.

Страна с электричеством на селе, передовой агротехникой, высокими урожаями зерновых культур, страна, где люди не знают голода от засухи. Но главное, с населением высокой культуры, где не стало неграмотных людей. Страна, в которой были переполнены театры, филармонии, консерватории, работали библиотеки, музеи...

Не всё было совершенно в этой стране, и то, чего она достигла, досталось ей нелегко. Впереди стояло ещё много задач. Но...

Наступили девяностые годы, в которых очень многое мы потеряли.

Об этом времени можно прочитать в двух томах Сергея (не Алексея!) Кара-Мурзы «Советская цивилизация», умного и честного человека.

Гражданская война, как противостояние, не закончилась в двадцатые годы, она продолжалась всё последующее время, хотя приняла иные формы, стала скрытной, не была массовой, продолжается и сейчас. И привела через много лет, к победе негативных сил. Но их победа временная. Приведу несколько слов, в правоте которых убеждена: *«Неопровержимо, что на более высоком уровне развития пребывает та система, где преобладают широкие и общепольные общественные интересы, а не узкособственнические и корыстные. Эта высота объективна, независима от воли стран и народов, а тем более отдельных политиков или историков. И, если человечество действительно движется по спирали (или спиралям), рано или поздно мы опять выйдем на нужное направление на более высоком витке».* (Павел Попов «Твой крест. Судьба города и человека», Центр духовного возрождения Чернозёмного края. – Воронеж, 2008. – 176 с.). Книга Павла Попова (фото 7) – важный документ о событиях, происходящих в Воронеже, – сердце Центральной России, в предвоенное, военное и послевоенное время Великой Отечественной войны.

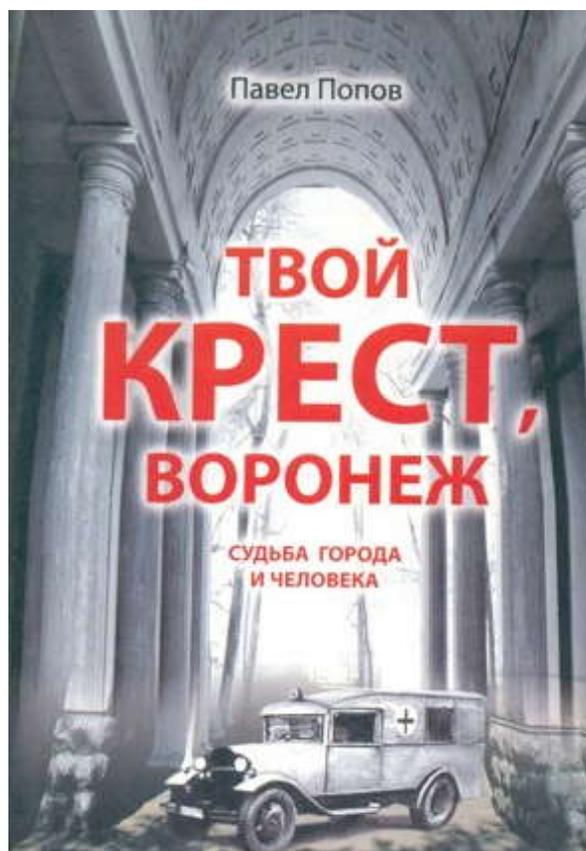

Фото 7. Обложка книги П. Попова

СОДЕРЖАНИЕ

Предшествование	4
Глазами писателей и очевидцев	4
И.А. Бунин	4
Из воспоминаний З.К. Соколовой	5
Отрывки из записок княгини М.К. Тенишевой	12
Отрывки из дневников М.М. Пришвина	18
Заключение	23